

УДК 811.511.152.2

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-238-246

**Становление системы вокализма мокшанских говоров
рузаевского ареала**

Г. С. Иванова

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
galina17-05@yandex.ru*

Л. П. Водясова

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

Н. В. Иванова

*Морская техническая академия им. адмирала Д. Н. Сенявина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
nataliva1990@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается становление системы вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала: даётся описание вокалической системы говоров, выявляются исторические изменения, произошедшие в системе вокализма под действием фонетических процессов. Данная статья является продолжением наших исследований мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия.

Цель: описать систему вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала; выявить исторические изменения в фонетической системе гласных.

Материалы исследования: диалектный материал, собранный авторами во время выездов в мокшанские населённые пункты Рузаевского района в 2000–2023 гг.; материал словарного кабинета кафедры мордовских языков.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования нами дано описание системы вокализма говоров рузаевского ареала мокшанского языка. Синхронический анализ диалектного материала показал: система вокализма говоров рузаевского ареала неоднородна, кроме говоров с полной вокалической системой (*a, o, u, i, e, ä, ь, ь*) – 1-й тип (левженские говоры), имеются говоры с упрощёнными системами вокализма: сузгарьевские говоры – 2-й тип (в вокалической системе отсутствует фонема *ä) и перхляйские говоры – 3-й тип (в вокалической системе отсутствуют фонемы *ä и *e). Сравнительно-исторический метод позволил выявить исторические изменения в фонетической системе: 1) широкие гласные первого слога, сохранившие за собой ударение, изменились меньше; 2) большим изменениям подверглись исторические гласные переднего ряда; 3) отсутствие исторической фонемы *ä в говорах 2-го типа и фонем *ä, *e в говорах 3-го типа объясняется их сужением во всех фонетических позициях.

Научная новизна работы состоит в том, что ранее система вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала в историческом освещении предметом специального исследования не становилась.

Ключевые слова: финно-угорский праязык, мокшанский язык, диалект, вокализм, фонетический процесс

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РНФ 25-28-00193 «Цифровое описание мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия».

Для цитирования: Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В. Становление системы вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 238–246.

**Formation of the vocalism system of the Moksha subdialects
of the Ruzaevsky area**

G. S. Ivanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
galina17-05@yandex.ru*

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical University,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

N. V. Ivanova

*Marine Technical Academy named after Admiral D. N. Senyavin,
Saint-Petersburg, Russian Federation,
nataliva1990@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the formation of the vocal system of the Moksha subdialects of the Ruzaevsky area: it describes the vocal system of the subdialects, identifies historical changes that occurred in the vocal system under the influence of phonetic processes. This article is a continuation of our research into the Moksha subdialects of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia.

Objective: to describe the vocal system of the Moksha subdialects of the Ruzayevka area; to identify historical changes in the phonetic system of vowels.

Research materials: dialect material collected by the authors during trips to the Moksha settlements of the Ruzaevsky District in 2000–2023; material from the Dictionary office of the Department of Mordovian languages.

Results and novelty of the research: as the result of the conducted research, we have given a description of the vocal system of the dialects of the Ruzayevsky area of the Moksha language. Synchronic analysis of the dialect material has shown that the vocal system of the dialects of the Ruzayevsky area is heterogeneous. In addition to the dialects with a full vocal system (*a, o, u, i, e, ä, v, v*) – type 1 (Levzhensky subdialects), there are dialects with simplified vocal systems: Suzgarevsky subdialects – type 2 (the vocal system lacks the phoneme **ä*) and Perkhlyajsky subdialects – type 3 (the vocal system lacks the phonemes **ä* and **e*).

The comparative-historical method made it possible to identify historical changes in the phonetic system: 1) the broad vowels of the first syllable, which retained stress, changed less; 2) the historical front vowels underwent greater changes; 3) the absence of the historical phoneme **ä* in the dialects of the type 2 and the phonemes **ä, *e* in the dialects of the type 3 is explained by their narrowing in all phonetic positions.

The scientific novelty of the work consists in the fact that the vocalism system of the Moksha subdialects of the Ruzayevsky area in historical coverage has not previously been the subject of special research.

Key words: Finno-Ugric protolanguage, Moksha language, dialect, vocalism, phonetic process

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant 25-28-00193 “Digital description of Moksha dialects of the Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia”.

For citation: Ivanova G. S., Vodyasova L. P., Ivanova N. V. Formation of the vocalism system of the Moksha subdialects of the Ruzaevsky area // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 238–246.

Введение

Мокшанская диалектология как научное направление появилась относительно недавно – массовое исследование мокшанских и эрзянских говоров началось в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. молодыми учёными и аспирантами Мордовского НИИЯЛИиЭ при Совете Министров МАССР (ныне НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия) и МГПИ им. А. И. Полежаева, некоторые работы впоследствии были опубликованы в «Очерках мордовских диалектов» [13]. В первой половине 1970-х гг. в Тартуском университете Эстонии были защищены кандидатские диссертации по фонетике и морфологии мокшанских диалектов [2; 8; 9], появились фундаментальные работы А. П. Феоктистова [15; 16]. Однако, следует отметить, что у истоков изучения исторического вокализма мордовских языков стоят зарубежные учёные (Е. Itkonen [24], Н. Palasonen [25], Р. Ravila [26], W. Steinitz [27] и др.), их взгляды были подхвачены последователями (П. Хайду [18], R. Bartens [22] и др.).

Работа по исследованию мокшанских диалектов продолжается и в XXI в. Были защищены кандидатские и докторские диссертации по диалектам и отдельным группам мокшанских говоров [Плаксина Т. А. (2002 г.), Лёвина М. З.

(2003 г.), Блашкина Т. Д. (2005 г.), Кукушкина Н. Ф. (2012 г.), Жебраткина И. Я. (2013 г.), Иванова Н. В. (2022 г.) и др.]. Объёмную работу по типологическому освещению элементов мокшанского языка по отдельным говорам Темниковского района Республики Мордовия провели московские учёные [21], имеются работы по исследованию вокализма смешанных мокшанско-эрзянских говоров [1; 17; 19 и др.].

На основе имеющихся знаний, а также новых данных по фонетике, морфологии, лексике диалектов А. П. Феоктистовым произведена первая обоснованная диалектная классификация мокшанского языка, в которой часть говоров Рузаевского района, наряду с мокшанскими говорами Инсарского и Кадошкинского районов Мордовской АССР, были включены в состав юго-восточного диалекта [15, 63–82]; впоследствии, расширив различительные признаки, большинство мокшанских говоров Рузаевского района отнесены к центральному диалекту [23, 71–86].

Авторы данной статьи в своих исследованиях также обращались к особенностям рассматриваемых говоров [4; 5; 7 и др.]. Так, авторы работы «Гласные фонемы среднего подъёма в переходном диалекте мокшанского языка» говоры, аналогичные говору с. Сузгарье Рузаевского района, наряду с отдельными говорами Торбеевского,

Старошайговского и Инсарского районов, относятся к переходному диалекту [3]. Н. В. Иванова в своём диссертационном исследовании при более детальном изучении пограничных говоров мокшанского языка выделяет «переходные говоры ковылкинского, торбеевского и рузаевского ареалов, которые различаются по количеству и составу гласных и согласных фонем; звуковой реализации одной и той же фонемы; особенностям проявления фонетического закона гармонии гласных; употреблению отдельных падежных форм имени; наличию определённых словоизменительных форм глагола» [7, 9]. Необходимость уточнить имеющиеся данные и дополнить их новыми исследованиями и побудило нас обратиться к данной теме, тем более что система вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала в историческом аспекте до сих пор не рассматривалась.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил диалектный материал, собранный нами во время экспедиций в сс. Сузгарье, Палаевка, Левжа, Болдово, Перхляй Рузаевского района Республики Мордовия в 2020–2022 гг., а также диалектный материал словарного кабинета филологического факультета. В качестве этимологических соответствий был привлечён материал из «Этимологиянь валкс» Д. В. Цыганкина, М. В. Мосина (1998 г.), «Краткого этимологического словаря коми языка» В. И. Лыткина, Е. И. Гуляева (1970 г.), «Основ финно-угорского языкознания» (1974 г.).

В процессе работы нами были использованы описательный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы. Первый нашёл своё применение при описании системы вокализма мокшанских говоров рузаевского ареала в синхроническом аспекте; сравнительно-исторический метод способствовал выявлению вокалических изменений в словах в процессе исторического развития; сопоставительный метод использовался с целью демонстрации общих и отличительных признаков в родственных языках; в качестве дополнительных применялись методы: опроса, полевого анкетирования, систематизации.

Результаты

На территории Рузаевского района Республики Мордовия более 60-ти населённых пунктов с русским, мордовским (мокшанским) и татарским населением. Сёл с мордовским населением – 26.

Если учесть, что вокализм прафинно-угорского языка состоял из одиннадцати гласных (*i, *ī,

*e, *ä, *u, *o, *a, *ī, *ē, *ū, *ō) [12, 159], то современные рузаевские говоры мокшанского языка по показателям вокализма не являются однородными, их можно разделить следующим образом: 1) говоры с полным составом вокализма (фонетическая система состоит из 8-ми гласных фонем: i, e, ä, u, o, a, ь, ь) – левженские говоры; 2) говоры с упрощённым составом вокализма (фонетическая система состоит из 7-ми гласных фонем: i, e, u, o, a, ь, ь), которые по наличию гласных переднего ряда сами дифференцируются на две подгруппы: а) говоры, в вокалической системе которых из восьми гласных фонем мокшанского языка полностью отсутствует одна историческая фонема – *ä – сузгарьевские говоры; б) говоры, в вокалической системе которых отсутствуют две исторические фонемы – *ä и *e – перхляйские говоры¹.

Вся система вокализма встречается в сильной позиции – в первом ударном слоге слова, например:

<u>: ulʲ ‘подбородок’, umbrav ‘щавель’, uđʲms ‘спать’, uLkʲmba ‘недавно’, tums ‘уйти’, purʲn ‘мох’, в редких случаях после u может стоять палатальный или палатализованный согласный, за которым, естественно, идёт гласный переднего ряда: tʲurʲʲms ‘драться, бороться’, kulʲe ‘весть, известие’;

<o>: olgʲ ‘жердь’, oš ‘город’, od ‘новый’, ombʲt ‘послезавтра’, ofʲ ‘медведь’, ocʲu ‘большой’, lov ‘снег’, kotams ‘нагнуться, поклониться’;

<a>: al ‘яйцо’, akšʲ ‘белый’, ašʲšʲʲms ‘находиться’, amʲldams ‘зачерпнуть’, ardʲms ‘ехать’, alʲe ‘мужчина’;

<i>: inʲʲzʲi ‘малина’, ilʲi ‘прут’, nʲilʲʲ ‘четыре’, tʲijʲms ‘сделать’, rišʲ ‘сосна’, sʲimʲms ‘пить’ [ПМА 1: Амбаева, Зуева; ПМА 2: Учватова; ПМА 3: Нарватова].

По неоднозначности соответствий, слова с фонемой e можно дифференцировать на четыре группы: наблюдаются три междиалектных чередования – e // i, jä // je, e // ä; одно внутрдиалектное чередование – e // i:

<e>1: melav (1, 2)² // milav (3) ‘бабочка’, sʲejʲlʲ (1, 2) // sʲijʲlʲ (3) ‘еж’, sʲedʲi (1, 2) // sʲidʲi (3) ‘сердце’, sʲerʲi (1, 2) // sʲirʲi (3) ‘высокий’, vedʲ (1, 2) // vidʲ (3) ‘вода’;

<e>2: jälʲ (1) // jelʲ (2, 3) ‘подол’, jälʲbädʲʲms (1) // jelʲbedʲʲms (2, 3) ‘ошибиться’, jäšʲ (1) // ješʲ (2, 3) ‘прохлада’, jäRʲkʲ (1) // jeRʲkʲ (2, 3) ‘озеро, родник’, jäšʲi (1) // ješʲi (2, 3) ‘колодец’;

<e>3: melʲ (2, 3) // mälʲ (1) ‘желание’, kelʲ (2, 3) // kälʲ (1) ‘язык’, lʲem (2, 3) // lʲäm (1) ‘щи’, pelʲ (2, 3) // pälʲ (1) ‘жердь, кол’;

<e>4: pirʲfʲ (1, 2, 3) ‘двор’, но perʲams (1, 2) ‘отгородить’, ср.: pirʲams (3); tʲijʲms (1, 2, 3) ‘сделать’,

¹ Подгруппы своё название получили по опорным населённым пунктам.

² Типы говоров.

но *t'ev* (1, 2) 'дело', ср.: *t'iv* (3); *kir'ьms* (1, 2, 3) 'сократиться', но *kerf* (1, 2, 3) 'отрезок' [ПМА 1: Миронова, Амбаева; ПМА 2: Дивеева; ПМА 3: Нарватова].

Следует отметить, что чередования, представленные в <e>4, отличаются от трёх предыдущих не только тем, что употребляются внутри одного говора, но и своей фонологичностью. На этот счёт в финно-угорском языкознании имеются полярно противоположные точки зрения: В. Штейниц такие чередования считал остаточным явлением, имеющим место ещё в прафинно-угорском языке [27], Э. Итконен причислял их к инновационным, развившимся в финно-угорских языках отдельно друг от друга [24].

Фонемы *ь, ь* – чисто мокшанское явление, аналогичные гласные имеются в хантыйских диалектах [14]. В мокшанском языке они появились из узких гласных *и, i* в безударной позиции, сохранившихся в эрзянских диалектах, это произошло при широких гласных вне первого слога (каковыми являются *a, ä, e < *ä*), которые перетянули ударение с узких гласных на себя, например:

<ь>: рг. *ьrdazu* 'грязный', э. *rudazov*; рг. *ьr'vaks tums* 'выйти замуж', э. *ur'vakstoms*; рг. *ьr'va* 'губа', э. *turva*; рг. *ьr'Ltams* 'спалить', э. *pultams*;

<ь>: рг. *ььs'mar* 'скворец', э. *pis'mar*; рг. *ььr'väs t'ьms* (1) / *ььr'ves t'ьms* (2, 3) 'зажечь, поджечь', э. *kirvas t'ьms*; рг. *ььčkams* 'выздороветь', э. *pičkams*; рг. *ььz'gata* 'ласточка', э. *pez'gata*. отрезок' [ПМА 1; ПМА 2; ПМА 3].

В результате каких фонетических процессов произошло сокращение вокалического состава рузаевских говоров почти вдвое?

Следует отметить, что говоры утратили противопоставление гласных по длительности (как и в некоторых родственных языках: марийском, пермских) – долгие гласные финно-угорского праязыка стянулись в соответствующие краткие и в большинстве слов закономерно расширились или сузились. Особенность расширения и сужения заключается в том, что более узкий гласный заменяется более широким гласным этого же ряда и, наоборот. Данные явления получили достаточно широкое распространение.

Так, в рассматриваемых говорах долгие гласные переднего ряда:

1) в одних случаях сократились и стянулись в соответствующие краткие гласные – **ī > i*, **ē > e*, например: рг. *vims* 'отправить, отвести' < **vīge-*; ср.: э. *vijems*, эст. *viima* 'нести, отнести' [10, 47]; рг. *viz'd'ьms* 'стыдиться, стесняться' < **vīse-*; ср.: э. *viz'd'ьms*, эст. *viitsijä* 'держаться' [20, 34]; рг. *pir'f* < **pīre* 'огород'; ср.: эст. *piir* 'рубеж, граница' [12, 219]; рг. *mel'* (2, 3) 'желание' < **mēle*

'ум, разум, настроение'; ср.: э. *mel'* [10, 180]; рг. *l'em* (2, 3) 'щи' < **lēme* 'сок, суп'; ср.: э. *l'em* 'суп, сало, жир' [10, 159];

2) в других случаях фонема **ī* в левженских и сузгарьевских говорах расширилась на одну ступень – **ī > e*, а в перхляйских – сократилась, в то время как историческая фонема **ē*, наоборот, во всех трёх типов говоров сузилась на одну ступень – **ē > i*, например:

**ī > e*: рг. *ken'ьr'ьms* (1, 2) / *kin'ьr'ьms* (3) 'созреть; успеть' < **kīrke*; ср.: эст. *kiire* 'быстрый' [20, 67]; рг. *vet'ь* (1, 2) / *vit'ь* (3) 'пять' < **wīte*; ср.: ф. *viisi*, эст. *viis*, э. *vet'e* [10, 58];

**ē > i*: рг. *n'il'ьms* 'проглотить' < **n'ēle-*; ср.: э. *n'il'ьms* [20, 120]; рг. *mims* 'продать' < **mēke-*; ср.: э. *mije-* [20, 107]; рг. *kis'кь* 'шкура' < **kēske*; ср.: э. *kis'ke* [20, 73] [ПМА 1; ПМА 2; ПМА 3].

В левженском типе говоров в достаточно большой группе слов произошло расширение прафинно-угорского **ē > ä*, например: ф.-у. **pēle* 'косяк' > лвж. *päl'* 'жердь, кол'; ср.: рг. *pel'* (2, 3), ф. *pieli* 'косяк', эст. *peel* 'мачта, жердь' [10, 10]; ф.-у. **mēle* > лвж. *mäl'* 'желание, чувство'; ср.: рг. *mäl'* (2, 3), э. *mel'*, ф. *mieli*, эст. *meel* 'чувство' [10, 180]; ур. **kēle* > лвж. *käl'* 'язык'; ср.: рг. *kel'* (2, 3), э. *kel'*, ф. *kieli*, эст. *keel* [12, 401]; ф.-у. **l'ēme-* > лвж. *l'äm* 'щи'; ср.: рг. *l'em* (2, 3), э. *l'em* 'суп, сало, жир'; ср.: ф. *liemi*, эст. *leeme* [10, 159]. отрезок' [ПМА 2: Дивеева; Учватова].

Долгие гласные заднего ряда прафинно-угорского языка в рассматриваемых говорах в небольшой группе слов сохранились в сокращённом виде – **ū > u*, **ō > o*, например: рг. *kul'ьms* 'слышать' < **kūle* 'слышать'; ср.: э. *kul'ьms*, мр. *кола-*, у. *кыл-*, к. *кыл-*, манс. *col-* [10, 149]; рг. *ица* 'овца' < **ičē-*; ср.: ф. *uihi*, *uuti*, эст. *utt* [10, 328]; рг. *putь* 'положить, поставить' < **pūtta-*; ср.: э. *putoms*, эст. *puutuma* 'касаться, коснуться', ф. *puutua* 'братся, взяться' [20, 155]; рг. *nolams* 'лизать, лизнуть' < **n'ōla-* или **n'ōle-* 'лизать'; ср.: э. *nolams*, ф. *nuole-*, эст. *nooli-* [20, 120]. [ПМА 1: Миронова; ПМА 2: Дивеева, Учватова; ПМА 3].

Однако в подавляющем большинстве слов исторические **ū*, **ō* расширилась на одну ступень, например:

**ū > o*: рг. *od* 'новый' < **ūd'ь* или **ud'ь* 'новый' [12, 421]; ср.: э. *od*; рг. *lovaža* 'покойник' < **lūve* «кость» [12, 400]; ср.: э. *lovaža* 'кость'; рг. *rovams* 'задышаться' < **pūvz-* или **pūhz-* 'задышаться, (у)тонуть' [12, 418]; рг. *коть* 'шесть' < **kūtte-* 'шесть' [10, 119]; ср.: э. *koto*;

**ō > a*: рг. *lajmь* 'черёмуха' < **lōme* 'черёмуха'; ср.: э. *l'om*, ф. *tuomi*, эст. *toom* [20, 95]; рг. *nal* 'стрела' < **nōle*; ср.: э. *nal*, ф. *nuoli*, эст. *nool*

[20, 114]; рг. *jan* ‘тропа’ < **jōne*; ср.: ф. *juoni* ‘ряд, вереница’, эст. *joon* ‘линия, черта’ [20, 231]; рг. *params* ‘стричь, брить, стричься’ < **nōre*; ср.: ф. *nuori* ‘од’, эст. *noor* ‘тж’ [20, 115] [ПМА 1: Миронова; ПМА 2: Дивеева; ПМА 3: Кубанцева].

В то же время наблюдаются случаи сужения, но с сохранением лабиализации – **ō* > *u*, например: рг. *kul’e* ‘весть, известие’ < **kōle-*; ср.: э. *kul’a* ‘весть, известие, слухи, слава’, ф. *kuulla*, эст. *kuulata* ‘слушать’, мр. *колаш* [20, 83]; рг. *kul’ms* ‘умереть’ < **kōle-* [20, 110]; ср.: э. *kuloms*, мр. *колаш* ‘умереть’.

Ещё в домордовский период исчезла лабиальная гласная фонема переднего ряда **i*. По результатам проведённого нами исследования, было выявлено, что, исходя из сущности исторической фонемы **i*, в одной группе слов из неё развились лабиальные, в других – палатальные гласные. В рассматриваемых говорах ей соответствуют следующие гласные:

1) в одних благоприятных для этого фонетических позициях репрезентанты сохранили лабиальный признак прафонемы, и из неё развились лабиальные гласные заднего ряда верхнего и среднего подъёмов *u*, *o*, например: рг. *kuj* ‘змея’ < **kūje*; ср.: э. *guj*, эст. *küü* [20, 41]; рг. *lofь* ‘молоко’ < **lūpsa*; ср.: э. *lovso*, ф. *lupsää*, эст. *lūpsma* ‘доить’, мр. *люшташ* ‘доить’ [20, 96–97]; рг. *s’oks’ь* ‘осень’ < **s’ūkse*; ср.: э. *s’oks’/soks’*, эст. *sūgis*, мр. *шэжэ, шижэ*, [20, 165];

2) в других фонетических позициях доминирующим оказался палатальный признак прафонемы, в связи с этим фонема **i* реализовалась в гласные переднего ряда верхнего и среднего подъёмов *i*, *e*, например: рг. *c’il’гь* ‘бородавка’ < **c’ūklä* / **c’ūkl’ä*; ср.: э. *s’il’ge*, ф. *syylä*, мр. *šüwäl* [12, 400]; рг. *t’ihь* ‘комель’ < **tīhe*/**tūhe*; ср.: эст. *tüvi* ‘ствол’, мр. *түһ* ‘корневище’ [12, 414]; рг. *s’ed’* ‘уголь’ < **s’ūd’e*; ср.: э. *s’ed’*, ф. *sysi*, эст. *süsi* ‘уголь’, мр. *šü, šü(j)* [12, 405]; рг. *ketьн’* ‘десять’ < **kūmmene*; ср.: э. *kemen’*, эст. *kümme* [20, 67]; рг. *kel’мь* ‘холод, холодный, холодно’ < **kūlmä*; ср.: э. *kel’me*, эст. *kūlm*,

[10, 152]. [ПМА 1: Амбаева; ПМА 2; ПМА 3].

В период самостоятельного развития мокшанского языка в некоторых диалектах исчезла гласная фонема переднего ряда нижнего подъёма **ä*, которая сохранилась в отдельных говорах центрального диалекта [23].

В рузаевских говорах мы имеем дело с четырьмя её репрезентантами:

1) **ä* = *ä* – в группе слов сохранилась только в говорах левженского типа: рг. *päšt’ь* (1) < **pähke* [12, 428]; рг. *l’ämbь* (1) ‘тепло, теплота, тёплый’ < **lämme* [20, 93]; рг. *s’äl’i* (1) ‘язь’ < **säwnä* [12, 417];

2) **ä* > *e* – самый распространённый вариант, он появился в результате сужения исторического гласного **ä* в говорах сузгарьевского и перхляйского типов, аналогичное сужение произошло и в эрзянском языке [3]: рг. *pešt’ь* (2, 3) < **pähke*; ср.: э. *pešt’e* [12, 428]; рг. *l’embь* (2, 3) ‘тепло, теплота, тёплый’ < **lämme*; ср.: э. *l’embe* [20, 93]; рг. *s’eni* (2, 3) ‘язь’ < **säwnä*; ср.: э. *señ’ej* [12, 417]; [ПМА 1; ПМА 3];

3) в перхляйском типе говоров в группе слов развитие фонемы **ä* пошло дальше – **ä* > *e* > *i*: рг. *pikь* (3) < *pekь* (1, 2) ‘живот’ < **päkka*; ср.: э. *peke*; рг. *kimь* (3) < *kemь* (1, 2) < **kämä* ‘крепкий, твёрдый’; ср.: э. *keme* [12, 408]; ПМА 3: Нарватова, Кубанцева];

4) **ä* > *i* – данный репрезентант одинаково употребляется во всех мокшанских говорах рузаевского ареала, он появился между двумя палатальными или палатализованными согласными, скорее всего, в результате двойного сужения, в эрзянском языке ему соответствует такой же гласный, например: рг. *t’išь* ‘трава, сено’ < **täškä* [12, 426]; ср.: э. *t’iše*; рг. *n’il’ьms* ‘глотать’ < **n’älmä* ‘язык’ [12, 412]; ср.: э. *n’il’ems*; рг. *s’in’d’ьms* ‘сломать’ < **c’ähз-* [12, 418]; ср.: э. *s’in’t’r’ems*.

Краткие гласные первого слога в рузаевских говорах в большинстве своём являются репрезентантами таких же исторических гласных, например:

рг. <i>i</i> < * <i>i</i> :	рг. <i>inži</i> ‘гость’, э. <i>inže</i> , ф. <i>ihminen</i> , эст. <i>inimene</i> ‘человек’, веп. <i>инехмон</i> ‘женщина’ [20, 53]
рг. <i>e</i> < * <i>e</i> :	рг. <i>ver</i> ‘кровь’, э. <i>ver</i> , ф. <i>veri</i> , эст. <i>veri</i> , в. <i>ver</i> [12, 412]; рг. <i>meš</i> ‘пчела’, э. <i>meš</i> , ф. <i>mehiläinen</i> , эст. <i>mehiläine, mehilne</i> , в. <i>meh</i> [20, 105]
рг. <i>u</i> < * <i>u</i> :	рг. <i>nuvams</i> ‘дремать’, э. <i>nuvs’ems</i> , ф., эст. <i>nukkua</i> ‘лечь спать, уснуть, дремать’, в. <i>nyugszik</i> ‘отдыхать, спать’ [20, 122]
рг. <i>o</i> < * <i>o</i> :	рг. <i>kolмь</i> ‘три’, э. <i>kolmo</i> , ф. <i>kolme</i> , эст. <i>kolm (kolme)</i> , саам. <i>gol’bmâ</i> , х. <i>kolam</i> [20, 76]
рг. <i>a</i> < * <i>a</i> :	рг. <i>s’adь</i> ‘сто’, э. <i>s’ado</i> , ф. <i>sata</i> , эст. <i>sada</i> , х. <i>sat</i> , в. <i>szát</i> [12, 424]; рг. <i>maksь</i> , э. <i>makso</i> ‘печень’, ф. <i>maksa</i> , эст. <i>maks</i> , манс. <i>majt</i> , в. <i>maj</i> [12, 400]

В то же время в достаточно большом количестве основ наблюдается закономерное расширение **u* > *o* и сужение **o* > *u*, например: рг. *kud* ‘дом’, э. *kudo*, ф. *kota*, эст. *koda* ‘сени, дом’ [20,

82]; рг. *lov* ‘снег’, э. *lov* ‘снег’, ф. *lumi*, мр. *lum* [20, 97], что было напрямую связано как с качеством гласного головного слога, так и с местом ударения в слове.

Ю. В. Норманская в частности пишет, что «рефлексация прауральских гласных первого слога в *a-, *o-, *u-, *ä-основах в мордовских языках зависит практически исключительно от качества прамордовского гласного второго слога и места прамордовского ударения, которое без изменений сохранилось в мокшанском языке» [11].

В рузаевских говорах вокализм не первого слога, согласно закономерности, восходит к прафинно-угорским *a, *ä и *e [12], где гласная *a при ударном первом слоге перешла в ь, например: рг. *maksъ* ‘печень’ < **maksa* [12, 400]; рг. *nurdъ* ‘сани’ < **norta* ‘сани, нарты’ [12, 432], а при исторических узких гласных в первом слоге сохранилась, например: *noška* ‘тупой’ [12, 433] < **nuška*; рг. *tyrva* ‘губы’ < **turpa* [12, 411].

Точно также и *ä в большинстве основ перешла в ь [3], например: рг. *r'is'mъ* ‘цепь, цепочка’ < **res'mä* ‘ремень’, рг. *k'el'mъ* ‘холод, холодный, холодно’ < **kül'mä*; в очень редких случаях – в левженских говорах сохранилась, а в сузгарьевских и перхляйских претерпела сужение, например: рг. рг'е (2, 3) ‘голова’ / рг'ä (1) < **perä* ‘зад, задняя часть, задний’ [12, 420].

Гласной *e не первого слога при ударном первом слоге в рузаевских говорах соответствуют редуцированные гласные [6]. Репрезентация *e строго попала под влияние закона сингармонизма: при гласных переднего ряда в первом слоге в левженских говорах в абсолютном ауслате развился ä-образный, а в сузгарьевских и перхляйских говорах – e-образный аллофон редуцированной гласной ь, которой в эрзянском языке соответствует фонема e; при гласных заднего ряда в первом слоге во всех мокшанских говорах рузаевского ареала репрезентантом фонемы *e является a-образный аллофон редуцированной гласной ь, которой в эрзянском языке соответствует фонема o, например: рг. *šin'ь* ‘запах’, э. *č'in'e* < ф.-у. **sähe* ‘воздух’ [12, 413]; рг. *pin'ь* ‘собака’, э. *pin'e* < ф.-у. **pene* [12, 416]; рг. *kaftъ* ‘два’, э. *kavto* < ф.-у. **käkte* ‘два’ [12, 423]; рг. *kolmъ* ‘три’, э. *kolmo* < ф.-у. **kolme* [12, 423] [ПМА 1: Амбаева; ПМА 2: Дивеева; ПМА 3].

Употребление современных гласных u, i вне первого слога в подавляющем большинстве случаев ограничено суффиксальными морфемами, они восходят к общемордовским дифтонгическим сочетаниям *uv, *ij: *kulъ* ‘застывший, потухший; мёртвый’ → *kulu* ‘зола’ < **kuluv*; *lov* ‘снег’ → *lovu* ‘снежный’ < **lovuv*; *mac'e* ‘мелкий (неглубокий)’ → *mac'i* ‘гусь’ < **mac'ij*; *vir'* ‘лес’ → *vir'i* ‘в лес’ < **vir'ij* и т. д. [ПМА 1; ПМА 2; ПМА 3].

Обсуждение и заключение

Анализ диалектного материала показал, что фонетическая система вокализма рузаевских

говоров, по сравнению с вокализмом прафинно-угорского языка, претерпела значительные изменения, которые затронули как количественную, так и качественную сторону фонем. Из одиннадцати единиц прафинно-угорской системы: *i, *ii, *e, *ä, *u, *o, *a, *ī, *ē, *ū, *ō, куда кроме кратких входили и долгие гласные верхнего и среднего подъёмов, в вокалической системе говоров рузаевского ареала восемь фонем: i, e, ä, u, o, a, ь, ь. Полностью вся система употребляется в первом ударном слоге.

Решающую роль в становлении системы вокализма рузаевских говоров сыграло сохранение или перенос ударения с гласного первого слога: широкие гласные первого слога в большинстве случаев сохранили за собой ударение и меньше подверглись изменениям. Большие изменения претерпели исторические гласные переднего ряда.

Так, долгие гласные переднего ряда праязыка или сократились до соответствующих кратких или сузились (расширились) на одну ступень. В рузаевских говорах они развились следующим образом: *ī в одних основах сократился (*ī < i): рг. *viz'd'b-* < **wīse-*, рг. *vims* < **vīge-*; в других – в говорах 1-го и 2-го типов расширилась (*ī > e (1, 2) / i (3)): рг. *ken'br'ьms* (1, 2) / *kin'br'ьms* (3) < **kīrke*; рг. *vet'b* (1, 2) / *vit'ь* (3) < **wīte*; *ē в группе слов сузилась (*ē > i): рг. *n'il'ьms* < **n'ēle-*; рг. *mims* < **mēke-*; в других – 2-м и 3-м типе говоров стянулась в краткий, а в говорах 1-го типа, наоборот, расширилась (*ē > e (2, 3) / ä (1)): рг. *mel'* (2, 3) / *mäl'* (1) < **mēle*; рг. *kel'* (2, 3) / *käl'* (1) < **kēle*.

Долгие гласные заднего ряда в небольшой группе слов сохранились в сокращённом виде – *ū > u: рг. *kul'ьms* < **kūle*; рг. *uča* < **ūče*; *ō > o: рг. *nolams* < **n'ōla-* или **n'ōle-*, однако в подавляющем большинстве слов расширилась –

*ū > o: рг. *od* < **ūd'ę*; рг. *kotъ* < **kūtte-*; *ō > a: рг. *lajmъ* < **lōme*.

Лабияльная гласная переднего ряда *ii дала разные соответствия: в велярном окружении *ii > o или *ii > u: рг. *kuj* < **kūje*; рг. *lofсъ* < **lūpsa*; рг. *s'oks'b* < **s'ūkse*; в палатальном окружении – *ii > i, *ii > e > i: рг. *c'il'gъ* < **c'ūklä*; рг. *t'ihъ* < **tīhe*/**tūhe*; рг. *s'id'* (3) < *s'ed'* (1, 2) < **s'ūd'e*; рг. *kimъn'* (3) < *ketъn'* (1, 2) < **kūmmene*; рг. *kil'mъ* (3), *kel'mъ* (1, 2) < **kūlmä*.

В рузаевских говорах мы имеем дело с четырьмя репрезентантами фонемы *ä: 1) с сохранением и сужением на одну ступень *ä = ä (1) > e (2, 3) : рг. *päst'ь* (1) / *pešt'ь* (2, 3) < **pähke*; рг. *l'ämbъ* (1) / *l'embъ* (2, 3) < **lämme*;

2) с последовательным сужением на две ступени (между непарными твердыми согласными) – *ä > e > i: рг. *pikъ* (3) < *pekъ* (1, 2) < **päkka*; рг. *kimъ* (3) < *ketъ* (1, 2) < **kämä*;

3) с двойным сужением (между двумя палатальными или палатализованными согласными) *ä > i: рг. *t'isъ* < **täškä*; рг. *n'il'ьms* < **n'älmä*; рг. *s'ind'ьms* < **c'ähz-*.

Остальные краткие гласные первого слога в большом количестве случаев являются репрезентантами соответствующих гласных праязыка: *i* = **i*: рг. *inži* 'гость', э. *inže*, ф. *ihminen*; *e* = **e*: рг. *ver* 'кровь', э. *ver*, ф. *veri*; *u* = **u*: рг. *nivams* 'дремать', э. *nivv'sems*, ф., эст. *nukka*; *o* = **o*: рг. *kolmъ* 'три', э. *kolmo*, ф. *kolme*; *a* < **a*: рг. *s'adъ* 'сто', э. *s'ado*, ф. *sata*. В то же время наблюдается также закономерное расширение **u* > *o*: рг. *lov* 'снег', э. *lov* 'снег', ф. *lumi*, мр. *lum* и сужение **o* > *u*: рг. *kud* 'дом', э. *kudo*, ф. *kota*, эст. *koda* – это напрямую связано как с качеством гласного головного слога, так и с местом ударения в слове.

Если в первом слоге большее распростране-

ние имеют гласные полного образования, то вне первого слога – редуцированные, которые являются результатом развития гласных **a*, **ä* и **e*, когда те выступали в безударной позиции, откуда **a* > ь – при широких гласных в первом слоге: рг. *maksъ* < **maksa*; рг. *nurdъ* < **norta*; **a* > а – при узких гласных в первом слоге: *noška* < **nuška*; рг. *tırva* < **turpa*.

Безударной фонеме **e* вне первого слога в рузаевских говорах соответствуют редуцированные гласные: рг. *šin'ь* < **sähe*; рг. *pin'ь* < **pene*; рг. *kaftъ* < ф.-у. **käkte*.

Гласная фонема **ä* в очень редких случаях при узком гласном в первом слоге – в 1-м типе говоров сохранилась, а во 2-м и 3-м на одну ступень сузилась (**ä* > *ä* > *e*): рг. рг'е (2, 3) / рг'ä (1) < **perä*, а в подавляющем большинстве случаев **ä* > ь: рг. *r'is'мъ* < **res'mä*; рг. *k'el'мъ* < **kül'mä*.

Сокращения

В. – венгерский язык; веп. – вепский язык; к. – язык коми, лвж. – левженские говоры; манс. – мансийский язык; мр. – марийский язык; рг. – рузаевские говоры; саам. – саамский язык; у. – удмуртский язык; ур. – уральский язык; ф. – финский язык; ф.-у. – финно-угорский язык; х. – хантыйский язык; э. – эрзянский язык; эст. – эстонский язык.

Список источников и литературы

- Агафонова Н. А., Рябова Г. В., Цыганова М. В. Особенности вокализма эрзянских говоров Присурья // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 207–218.
- Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
- Иванова Г. С., Бутылов Н. В. Репрезентация финно-угорского *ä непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 25–32.
- Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В. Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала // Финно-угорский мир. 2025. Т. 17. № 1. С. 21–34.
- Иванова Г. С., Ерёмкина Н. В. Вокалические особенности мокшанских э-овых говоров Рузаевского района // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14. № 4 (56). С. 151–155.
- Иванова Г. С., Поляков О. Е., Жебраткина И. Я. Реализация финно-угорского гласного *e конца основы в мокшанском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 141–145.
- Иванова Н. В. Переходный диалект мокшанского языка: фонетика, словоизменение: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 25 с.
- Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.
- Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1975. 27 с.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. проф. В. И. Лыткина. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Норманская Ю. В. Развитие вокализма в мордовском языке и реконструкция прамордовского ударения // Вопросы языкознания. 2010. Вып. 1 С. 98–110.
- Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Очерки мордовских диалектов / ред. М. Н. Коляденков, О. И. Чудаева. Саранск: Мордов. кн. изд-во. Т. 2. 1963. 447 с.; Т. 4. 1966. 371 с.
- Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск; Ижевск: Принт-2, 2016. 348 с.
- Феоктистов А. П. Мордовские языки и их диалекты // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Института этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. Т. LXIII. Вып. 1. С. 63–83.
- Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 389 с.
- Финноволжская языковая общность / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.
- Цыганкин Д. В. Опыт классификации эрзянских говоров Мордовского Присурья // Мордовские языки глазами учёного-лингвиста. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 25–36.
- Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологияль валкс=Этимологический словарь. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 234 с.
- Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / отв. ред. С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова. М.: Буки Веди, 2018. 1014 с.
- Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. MSFOu 232. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 p.

23. Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages // Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI.
24. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. XXIX, Heft 1–3. Pp. 222–337.
25. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.
26. Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen // Nyelvtudományi közlemények 50. 1936. Pp. 381–385.
27. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Series B, Linguistica 2. Stockholm: Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis, 1944. 144 p.

Полевые материалы автора

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в сс. Сузгарье, Палаевка Рузаевского р-на Республики Мордовия, июль 2020 г. (информанты: М. Н. Миронова, 1974 г. р.; Н. Н. Амбаева, 1976 г. р.; П. А. Зуева, 1950 г. р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в сс. Левжа, Болдово Рузаевского р-на Республики Мордовия, июль 2021 г. (информанты: А. М. Дивеева, 1965 г. р.; Н. Я. Учватова, 1968 г. р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Перхляй Рузаевского р-на Республики Мордовия, июль 2022 г. (информанты: Л. И. Нарватова, 1959 г. р.; Н. В. Кубанцева, 1949 г. р.).

References

1. Agafonova N. A., Ryabova G. V., Tsyganova M. V. *Osobennosti vokalizma erzanskih govorov Prisur 'a* [Features of vocalism of the Erzya subdialects in the Sura region]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (2/57), pp. 207–218. (In Russian)
2. Ananyina K. I. *Verkhne-alatyrskije govory mokshanskogo yazyka* [Upper Alatyrs subdialects of the Moksha language]. Tartu: [w/p], 1974. 21 p. (In Russian)
3. Ivanova G. S., Butylov N. V. *Reprezentatsiya finno-ugorskogo *ä nepervogo sloga (na materiale mokshanskikh dialektov)* [Representation of the Finno-Ugric *ä of the non-first syllable (on the material of Moksha dialects)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 25–32. (In Russian)
4. Ivanova G. S., Vodyasova L. P., Ivanova N. V. *Morfologicheskiye osobennosti v paradigme osnovnogo skloneniya v suzgar 'yevskom tipe mokshanskikh govorov ruzaevskogo areala* [Morphological features in the paradigm of the main declension in the Suzgaryevsky type of the Moksha subdialects of the Ruzaevsky area]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2025, no. 17 (1), pp. 21–34. (In Russian)
5. Ivanova G. S., Eremkina N. V. *Vokalicheskiye osobennosti mokshanskikh e-ovykh govorov Ruzaevskogo rayona* [Vocal features of the Moksha e-type dialects of the Ruzaevsky District]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye* [Humanities and Education], 2023, no. 14 (4/56), pp. 151–155. (In Russian)
6. Ivanova G. S., Polyakov O. Ye., Zhebratkina I. Ya. *Realizatsiya finno-ugorskogo glasnogo *e kontsa osnovy v mokshanskom yazyke* [Implementation of the Finno-Ugric vowel *e of the end of the stem in the Moksha language]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 4 (32), pp. 141–145. (In Russian, Moksha)
7. Ivanova N. V. *Perekhodnyy dialekt mokshanskogo yazyka: fonetika, slovoizmeneniye* [Transitional dialect of the Moksha language: phonetics, inflection]. Saransk: [w/p], 2022. 25 p. (In Russian)
8. Lipatov S. I. *Rybkinsko-mamolayevskije govory moksha-mordovskogo yazyka* [Rybkin-Mamolaevo dialects of the Moksha-Mordovian language]. Tartu, 1972. 24 p. (In Russian)
9. Lomakina T. I. *Gorodishchenskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Gorodishche dialect of the Moksha-Mordovian language]. Tartu, 1975. 27 p. (In Russian)
10. Lytkin V. I., Gulyaev E. I. *Kratkiy etimologicheskiy slovar 'komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. (In Russian)
11. Normanskaya Yu. V. *Razvitiye vokalizma v mordovskom yazyke i rekonstruktsiya pramordovskogo udareniya* [Development of vocalism in the Mordovian language and reconstruction of the Proto-Mordovian stress]. *Voprosy yazykoznanija* [Voprosy yazykoznanija], 2010, no. 1, pp. 98–110. (In Russian)
12. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 484 p. (In Russian)
13. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. 447 p.; 1966. Vol. 4. 371 p. (In Russian)
14. Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A. *Dialekty khantyyskogo yazyka* [Dialects of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. 348 p. (In Russian)
15. Feoktistov A. P. *Mordovskije yazyki i ikh dialekty* [Mordovian languages and their dialects]. *Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda.. Trudy Instituta etnografii im N. N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya* [Issues of the ethnic history of the Mordovian people. Works of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New series]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR Publ., 1960. Vol. LXIII. Iss. 1. Pp. 63–83. (In Russian)
16. Feoktistov A. P. *Ocherki po istorii formirovaniya mordovskikh pis'menno-literaturnykh yazykov* [Essays on the history of formation of the Mordovian written literary languages]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2008. 389 p. (In Russian)
17. *Finno-volzhskaya yazykovaya obshchost'* [Finno-Volga language community]. Ed. B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka Publ., 1989. 272 p. (In Russian)
18. Hajdú P. *Ural'skiye yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress Publ., 1985. 429 p. (In Russian)
19. Tsygankin D. V. *Opy't klassifikatsii e'rzjanskix govorov Mordovskogo Prisur'ya* [Experience of classification of the Erzya

dialects of the Mordovian Sura region]. *Mordovskie yazyka glazami uchenogo-lingvisty* [Mordovian languages through the eyes of a linguist]. Saransk: Krasnyj Oktyabr' Publ., 2000. Pp. 25–36. (In Russian)

20. Tsygankin D. V., Mosin M. V. *Etimologiyān' valks=Etimologicheskij slovar'* [Etymological dictionary]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1998. 234 p. (In Russian, Erzya, Moksha)

21. *Elempenty mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of the Moksha language in typological light]. Ed. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova. Moscow: Buki Vedi Publ., 2018. 1014 p. (In Russian)

22. Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 p. (MSFOu 232). (In Finnish)

23. Feoktistov A. P. *Dialects of Mordovian languages*. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI. (In German)

24. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen insbesondere im Mordwinischen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1946, no. 29 (1–3), pp. 222–337. (In German, Moksha, Erzya)

25. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung*. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Soci t e Finno-Ougrienne, 1903. 123 p. (In German, Moksha, Erzya)

26. Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen. *Nyelvtudom nyi k zlemenyek* 50. 1936. Pp. 381–385. (In German, Moksha, Erzya)

27. Steinitz W. *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*. Series B, Linguistica 2. Stockholm: Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis, 1944. 144 p. (In German)

Field materials of the authors

Field materials of the authors 1 – *Ekspediciya v ss. Suzgar'e, Palaevka Ruzaevskogo r-na Respubliki Mordoviya, iyul' 2020 g. (informanty: M. N. Mironova, 1974 g. r.; N. N. Ambaeva, 1976 g. r.; P. A. Zueva, 1950 g. r.)* [Expedition to the village of Suzgarye, Palayevka of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia, July 2020 (Informants: M. N. Mironova, 1974 year of birth; N. N. Ambaeva, 1976 year of birth; P. A. Zueva, 1950 year of birth)].

Field materials of the authors 2 – *Ekspediciya v ss. Levzha, Boldovo Ruzaevskogo r-na Respubliki Mordoviya, iyul' 2021 g. (informanty: A. M. Diveeva, 1965 g. r.; N. Ya. Uchvatova, 1968 g. r.)* [Expedition to the village of Levzha, Boldovo of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia, July 2021 (Informants: A. M. Diveeva, 1965 year of birth; N. Ya. Uchvatova, 1968 year of birth)].

Field materials of the authors 3 – *Ekspediciya v s. Perhlyaj Ruzaevskogo r-na Respubliki Mordoviya, iyul' 2022 g. (informanty: L. I. Narvatova, 1959 g. r.; N. V. Kubanceva, 1949 g. r.)* [Expedition to the village of Perkhlyaj of the Ruzaevsky District of the Republic of Mordovia, July 2022 (Informants: L. I. Narvatova, 1959 year of birth; N. V. Kubantseva, 1949 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Галина Софроновна, профессор кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337

Иванова Наталья Васильевна, преподаватель кафедры английского языка, Санкт-Петербургская морская техническая академия им. Д. Е. Сеньявина (198260, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр. Народного Ополчения, д. 189), кандидат филологических наук.

nataliva1990@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6860-1003

ABOUT THE AUTHORS

Ivanova Galina Sofronovna, Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya Str., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337

Ivanova Natalya Vasilyevna, Lecturer, English Language Department, Marine Technical Academy named after Admiral D. N. Senyavin (198260, Russian Federation, Saint-Petersburg, Narodnogo Opolcheniya Avenue, 189), Candidate of Philological Sciences.

nataliva1990@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6860-1003